

Чарующая мелодия Кясму

*Однажды мы оказываемся в Кясму –
случайно или волею судьбы...*

Едва ли найдётся тот, кто не любит море и не мечтает о морских странствиях...

Экскурсия в Кясму, где когда-то строились парусники, станет поистине незабываемой. Богатая морская история и первозданная природа этого уголка Эстонии, который никогда не затеряется на географической карте, всегда будут привлекать сюда любого, кто увлечён миром поэзии, кто мечтает и преданно любит море или находится в поисках разгадок тайн ледниковых валунов.

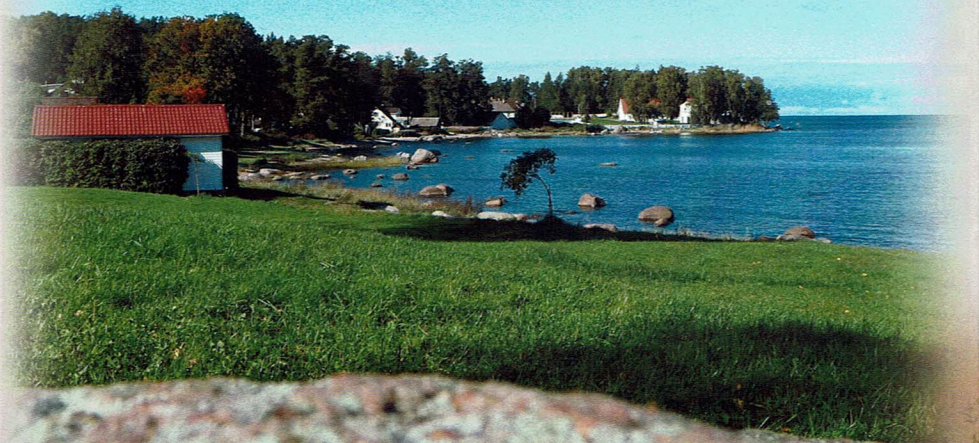
В Кясму для всех найдётся занятие по душе: сбор ягод в лесу (обильный черничник и земляничные полянки никого не оставят равнодушным), прогулка к озеру или загадочному острову, путешествие на велосипеде по отмеченному на карте маршруту, рыбалка, поход в открытое море на корабле викингов, посещение Морского музея или...

*Звёзды глядят в Кясмуский залив,
отражаясь нашими мечтами
и желаниями.*

*Им и нам отведено несколько дней,
чтобы вспыхнуть счастьем,
любить и...*

Знакомство с романтической деревней

До слуха доносится шуршание песчинок – кто-то ступает по песку, по его зыбкой густой массе. От берега нас отделяют просвечивающие ряды сосен, и сквозь них заметно, как светло-синего оттенка море пытается достать лодку, оставленную, вероятно, кем-то из местных рыбаков. «Пойдём, посмотрим на море», – говорю, отвлекаясь – и вперёд: скидываю босножки и почти бегом устремляюсь к воде. А песок прохладный-прохладный, приятный. В один миг всё приобретает смысл: с картинно-живописных пляжей Вызу начинается путешествие в Кясму, ставшее отдельной страницей истории моего познания Эстонии.

...Большая часть пути в Лахемаа проходит среди густых ароматных лесов, и любая дорога, если задаться целью, выводит к морю. Не ошибусь, сказав, что уже в седьмой раз направляюсь в Кясму, чтобы просто погулять. Нет, всё-таки в словах «просто погулять» заложен более глубокий смысл, возможно, я и сама его в полной мере не осознаю пока. Бывает, что проходит месяц, а то и год после моего последнего посещения Кясму, и в установленный кем-то свыше срок происходит визуализация образа – в книгах ли, статьях, стихах или долгожданных сообщениях. Перечитываю воспоминания Анастасии Цветаевой и стихи Евгении Куниной о Кясму. Их чувства перекликаются с моими, затрагивая каждую струнку души. И Аарне Вайк, хранитель Морского музея, соглашается, когда я делюсь с ним своей особой привязанностью к Кясму, и говорит, что многие из тех, кто однажды побывал в этих местах, возвращаются, испытывая необъяснимую тягу к здешним красотам. И действительно – в деревне, расположенной на одноимённом полуострове с каменисто-резным очертанием берега, ощущается какая-то иная красота, возвышенная. Кажется, что здесь я нахожу саму себя, а уезжая, теряю, и поэтому стремлюсь обратно, к этому маленькому, но бесконечному, словно целый мир, кусочку Эстонии.

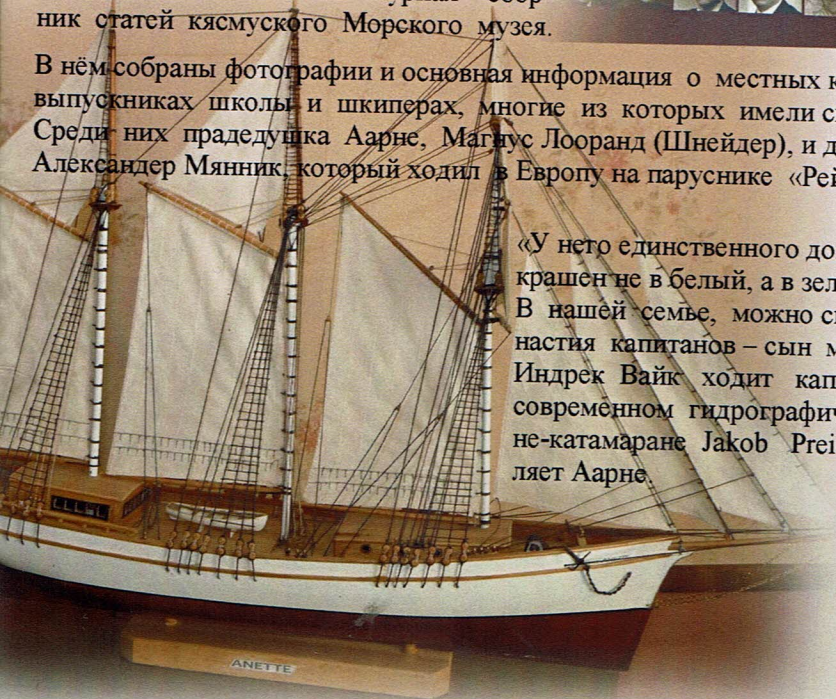
Об истории этих земель лучше поговорить с Аарне. Кому, как не человеку, трёхсот-летняя история семьи которого уходит корнями именно в Кясму, обладать безграничными знаниями о своём родном крае? Много интересного успеваешь поведать Аарне о прошедших временах: в основном это зарисовки о жизни местных жителей и их занятиях, неотделимых от моря, о том, что придало деревне особый статус и сформировало её облик, увековечив в истории как «деревню капитанов», издавна славящуюся своими мореходами. «Любой, окончивший мореходную школу, где основной упор делался на математику и астрономию, обладал достаточными знаниями и был готов выйти в море и, приобретая бесценный опыт, мог заслужить звание капитана», – говорит Аарне и дарит составленный им самим журнал – сборник статей кясмуского Морского музея.

В нём собраны фотографии и основная информация о местных капитанах-выпускниках школы и шкиперах, многие из которых имели свои суда. Среди них прадедушка Аарне, Магнус Лооранд (Шнейдер), и дедушка – Александер Мянник, который ходил в Европу на паруснике «Рейнард».

«У него единственного дом был выкрашен не в белый, а в зелёный цвет. В нашей семье, можно сказать, династия капитанов – сын моего брата Индрек Вайк ходит капитаном на современном гидрографическом судне-катамаране Jakob Prei», – добавляет Аарне.

KÄSMU MEREMUUSEUMI
TOIMETISED NR 8/2014

– А откуда происходит название деревни? – спрашиваю я его.

– От финского «kesä», что означает «лето» – в этот период лучше всего рыбачить. А прежде это место именовалось Каспервик (швед.) и играло роль спасительной бухты, укрывающей от штормов, – отвечает Аарне и продолжает свой рассказ, упоминая, как из Финляндии в Эстонию возили соль, потому что здесь она была очень дорогой, а туда для продажи – картофель и позже спирт, а на вырученные средства от таких «экспедиций» чинили сети и лодки, покупали новые снасти и строили корабли.

Строительство велось на специальных судостроительных площадках, куда свозился строительный лес, а для мачт использовались местные очень высокие и стройные сосны, что растут ровнёхонько одна подле другой, как на подбор, отсюда и их название – «корабельные».

– Первые корабли (конец XVII века) были простыми, беспалубными судами на парусном ходу, использовавшимися как транспорт, а позже – уже серьёзными, готовыми к дальним маршрутам. «Анетте» – самый быстрый парусник, преодолевший расстояние от Америки до Европы за 9 дней! Тогда это был настоящий мировой рекорд! Вы увидите макет, он в «комнате капитанов». Трёхмачтовый «Сальме» стал первым построенным в наших краях в 1891 году парусником, а построенный в Локса в 1922 году «Тормилинд» (в переводе с эстонского – «Буревестник») – самым красивым! – Аарне с гордостью произносит названия кораблей и тут же дополняет: – А зимой, благодаря отсутствию шуги, в нашей бухте могло зимовать до 50-60 кораблей.

Шайны Морского музея

Наконец мы направляемся в дом, где ранее размещалась мореходная школа (действовала с 1884 по 1931 год), а позже – советская пограничная застава. Музей, заслуга Аарне, является главной достопримечательностью, той звездочкой, что привлекает путешественников. Каких только экспонатов здесь не увидишь, глаза разбегаются. Не обойтись без старых трогательных фотографий, что украшают стены музея: это виды местности, снимки кясмуских семей, выпускников мореходной школы и ребятешек, пускающих модели лодочнок в море. «Будущие капитаны, – улыбается Аарне, – в игре они учатся, осваивают морскую науку».

Интересно, откуда взялись все эти многочисленные экспонаты? Кажется верным один-единственный ответ – находки с кораблей. Аарне поясняет, что часто экспонаты приносят местные жители, зная, что он организовал музей. Но это реальные вещи, неразрывно связанные с морем. При этом всё бережно хранится, у каждого экспоната своё место. Он показывает нам астрономические карты, справочники, морские приборы и приспособления для пошива парусов и, конечно, строительства кораблей.

Замечаю в комнате спасательные круги, канаты и штурвалы, сундуки, корабельные и маячные фонари, красочные витражи, картины маринистов, чучела рыб и птиц и многое другое. Не могу оторваться от диковинных макетов парусников и разглядываю мельчайшие детали их хрупких конструкций. А бутылки из цветного стекла Аарне собирал и расставлял лично. На мой вопрос о первом экспонате и о том, какой наиболее интересен, Аарне ответил смеясь: «Я помню свою встречу с советскими пограничниками. Тогда и появился первый экспонат будущего музея – книга “Пограничные войска Прибалтики”. А наиболее интересный экспонат... Так ведь люди разные, каждый находит что-то своё».

– А известно ли вам, какие консервы на корабле самые важные? – он неожиданно задаёт этот каверзный вопрос и тут же отвечает сам: – Питьевая вода! В качестве подтверждения его слов – обыкновенная консервная баночка с надписью «Питьевая вода» – как не запечатлеть такое на память!

Собранная Аарне уникальная коллекция экспонатов – это бесценная история Кязму. Сейчас вспоминается, как в какой-то момент нашей экскурсии он оставляет нас, загадочно произнеся: «Погодите-ка...». Вернувшись, бережно достаёт из специального футляра меч, найденный в 2008 году в окрестностях Майдла и датируемый XI веком. Как настоящую реликвию, Аарне хранит его отдельно от прочих экспонатов. Характерной формы навершие этого лёгкого и в определённом смысле изящного меча украшено тонкой линией незатейливого узора, а лезвие местами сохранило свою остроту, – я осторожно касаюсь его. Память мгновенно обращается к эпохе викингов. Вот это находка!

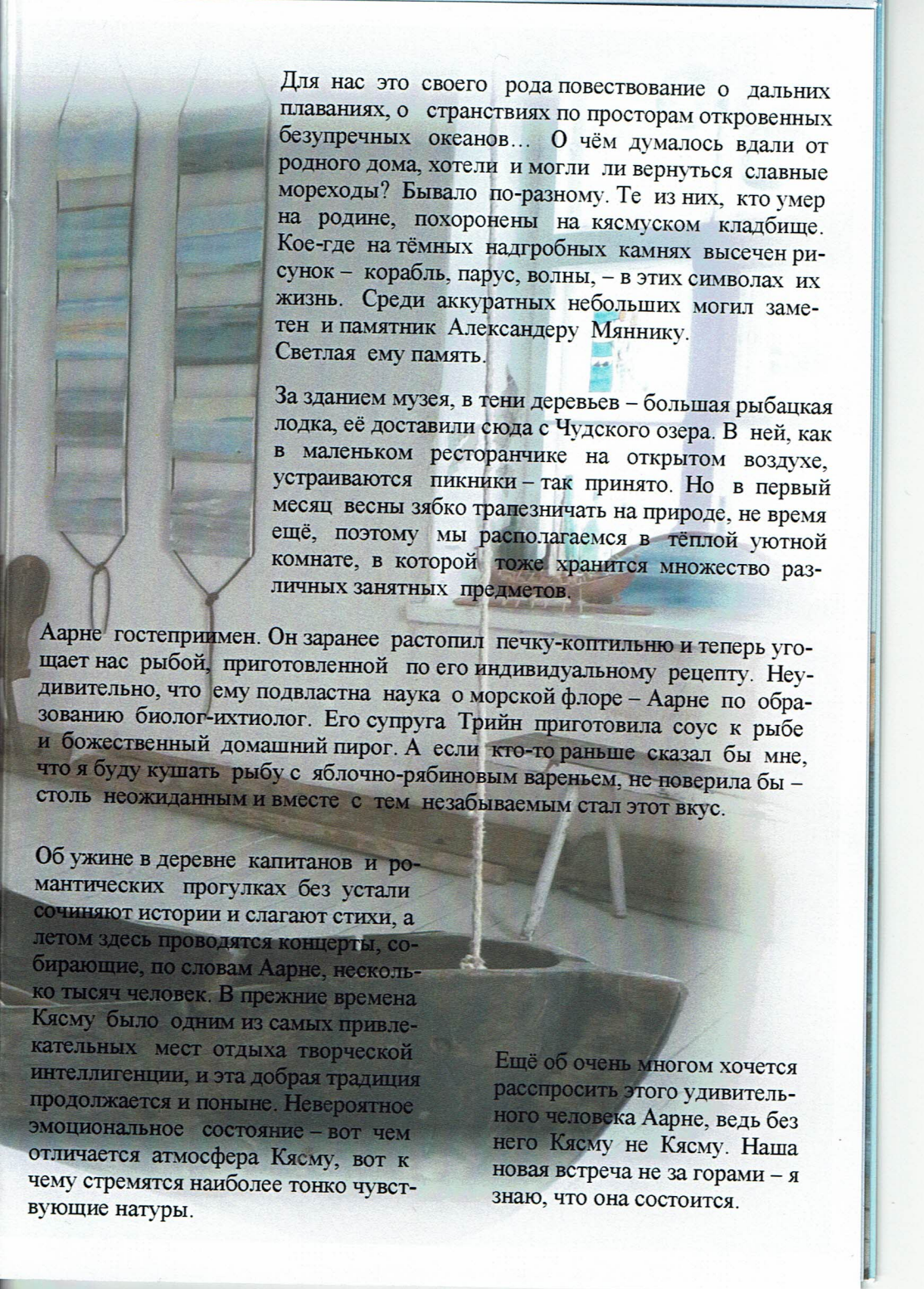
В дальней комнате здания музея – выдолбленная из цельного ствола дерева лодка, метра 2,5–3 в длину, не меньше! Поднимаем глаза, а на стене – художественные работы Аарне. Да-да, он пишет картины!

Это простое, на первый взгляд, чередование цветов и оттенков моря без прочих лишних деталей. Остальное ты додумываешь сам, поддаваясь настроению небольшого полотна и откликаясь на зов волнующей морской стихии. Вон она, синится и манит, ты улавливаешь её загадочную вибрацию, хотя всего лишь смотришь в окно.

Отдельной темой могут прозвучать весточки из прошлого. Это альбомы с коллекцией чёрно-белых и цветных открыток, что приходили на родину из заморских стран от мореходов, охваченных жадой реальных и призрачных целей.

Синится (авт.) – обозначает глубокий синий оттенок, когда синева поглощает все остальные цвета, доминирует, но не нарушает природной гармонии. Кое-где морское пространство пронизывают серебряные и малахитовые нити – это отражённые солнечные лучи смешиваются с солёной гибкой водой.

Для нас это своего рода повествование о дальних плаваниях, о странствиях по просторам откровенных безупречных океанов... О чём думалось вдали от родного дома, хотели и могли ли вернуться славные мореходы? Бывало по-разному. Те из них, кто умер на родине, похоронены на кясмуском кладбище. Кое-где на тёмных надгробных камнях высечен рисунок – корабль, парус, волны, – в этих символах их жизнь. Среди аккуратных небольших могил заметен и памятник Александру Мяннику. Светлая ему память.

За зданием музея, в тени деревьев – большая рыбацкая лодка, её доставили сюда с Чудского озера. В ней, как в маленьком ресторанчике на открытом воздухе, устраиваются пикники – так принято. Но в первый месяц весны зябко трапезничать на природе, не время ещё, поэтому мы располагаемся в тёплой уютной комнате, в которой тоже хранится множество различных занятных предметов.

Аарне гостеприимен. Он заранее растопил печку-коптильню и теперь угощает нас рыбой, приготовленной по его индивидуальному рецепту. Неудивительно, что ему подвластна наука о морской флоре – Аарне по образованию биолог-ихтиолог. Его супруга Трийн приготовила соус к рыбе и божественный домашний пирог. А если кто-то раньше сказал бы мне, что я буду кушать рыбу с яблочно-рябиновым вареньем, не поверила бы – столь неожиданным и вместе с тем незабываемым стал этот вкус.

Об ужине в деревне капитанов и романтических прогулках без устали сочиняют истории и слагают стихи, а летом здесь проводятся концерты, собирающие, по словам Аарне, несколько тысяч человек. В прежние времена Кясму было одним из самых привлекательных мест отдыха творческой интеллигенции, и эта добрая традиция продолжается и поныне. Невероятное эмоциональное состояние – вот чем отличается атмосфера Кясму, вот к чему стремятся наиболее тонко чувствующие натуры.

Ещё об очень многом хочется расспросить этого удивительного человека Аарне, ведь без него Кясму не Кясму. Наша новая встреча не за горами – я знаю, что она состоится.

Новая встреча

Зимние зарисовки. Не успев сойти с самолёта, я уже рвалась в Кясму. Короткий световой день января торопил. Сильных затяжных морозов ещё не случилось, может, не случится и вовсе, но сухие заросли прибрежного ковыля и не пожелтевшие травинки превратились в ледяные столбики в тех местах, где до них дотянулось море. Оно колыхало у берега снежно-ледяную массу и бурчало. Валуны покрылись льдом и подвергались колким набегам балтийских волн и беспощадным атакам ветра. Их поверхности стали скользкими и неприступными, кое-где повисли тонкие длинные сосульки, как нерасчёсанные бороды седых стариков.

Редкие лодки, встретившиеся на берегу, рыбаки успели перевернуть, сети убрали в сараи. Но жизнь здесь не прекратилась – Пуна и Рооса, забавные ирландские сеттеры, с громким лаем носились по лужайке и пугали кормившихся у музея синиц (Аарне помогает птицам выжить, запасая на зиму семечки). А ещё мне вспомнились шустрые ласточки. Скоро весна, и они снова прилетят сюда.

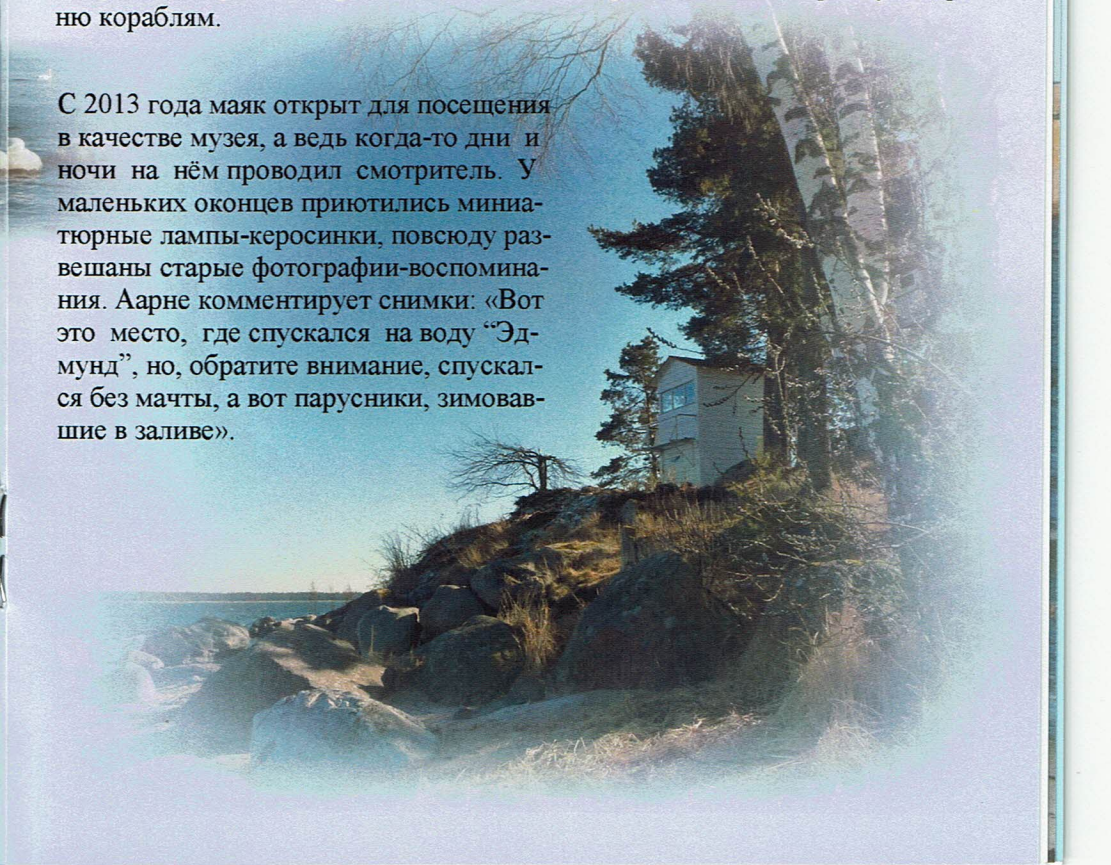

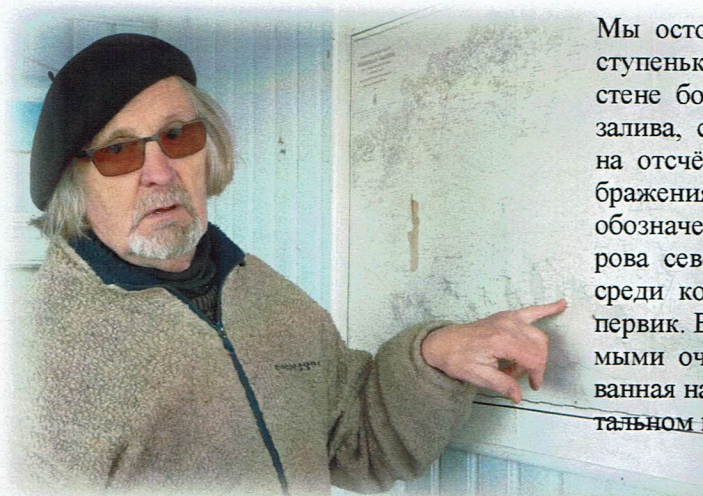
История одинокого маяка

А что виднеется вон там, на небольшом холме? Это старый, потушенный в 1993 году береговой маяк, едва ли не самое значимое место для Аарне. Он берёт ключ и открывает дверь маленького, всего 6 метров в высоту, деревянного сооружения, выкрашенного в белый цвет. Возвышаясь над заливом, оно, словно дозорный, замерло в наблюдении за морскими просторами.

У маяка своя история. Аарне любит вспоминать, как всё это было, и показывает исписанные листы, на которых аккуратным почерком сделаны записи о пожертвованиях на строительство этого маяка. «Средства собирали с 1889 года. Местный барон Деллингсгаузен дал 35 рублей, палдиский барон—50, за проведённый спектакль выручили 109 рублей. Собирали и таким образом, что если моряк пьяный, то он должен был заплатить 1 рубль. Но в итоге не хватало 200 рублей, и их передал местный крестьянин! Неплохо по сравнению с бароном! — смеётся Аарне и далее поясняет: — Маяк строили для того, чтобы в период непогоды всегда можно было найти залив». Официально сооружение оформили в 1892 году, и оно долгое время верой и правдой служило мореходам, помогая возвращающимся в родную деревню кораблям.

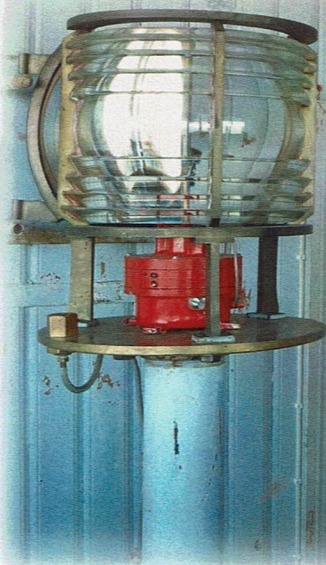
С 2013 года маяк открыт для посещения в качестве музея, а ведь когда-то дни и ночи на нём проводил смотритель. У маленьких оконцев приютились миниатюрные лампы-керосинки, повсюду развешаны старые фотографии-воспоминания. Аарне комментирует снимки: «Вот это место, где спускался на воду “Эдмунд”, но, обратите внимание, спускался без мачты, а вот парусники, зимовавшие в заливе».

Мы осторожно поднимаемся по ступенькам, осматриваемся. На стене большая карта Финского залива, сохранившая несмотря на отсчёт времени чёткость изображения. Аарне указывает на обозначенные на ней полуострова северной части Эстонии, среди которых и бывший Каспервик. Вот она, история, знакомыми очертаниями зафиксированная на подлинном документальном источнике.

Но самое примечательное здесь – конечно, маячная лампа, иными словами, фонарь. Это поистине сердце маяка, от которого когда-то исходил спасительный для кораблей свет. Первоначально он был виден в море на 6 миль. Источником постоянного света была керосиновая лампа, но благодаря цветным стёклам в окнах получался трёхсекторный огонь: зелёного, белого и красного цветов. Именно белый сектор обозначал безопасный для плавания фарватер. С начала XX века огонь на маяке стал проблесковым. Позже, с 1921 года фонарь маяка стал работать на ацетиленовом газе, тогда же увеличилась и дальность видимости огня маяка – до 13 миль.

В настоящее время былое значение залива Кясму для мореходства утрачено, а с применением современных навигационных технологий роль маяков несколько снизилась. Поэтому так важно сохранить оставшиеся маяки, представляющие историческую и культурную ценность для страны. В 2012 году в честь юбилея славного маяка была подготовлена и выпущена почтовая марка из серии «Исторические маяки Эстонии» (автор Роман Маткевич). Как бы то ни было история маяка неотделима от истории Кясму, и хочется крикнуть: «Не унывай, Аарне! Кто знает, может быть, мы ещё увидим свет маленького маяка!»

В нескольких шагах от маяка расположена оставшаяся со времен погранзаставы вышка. И тут же, вы не пройдёте мимо, каменная глыба, ставшая своего рода мемориалом, на котором закреплены таблички с названием кораблей и годом их строительства – Toudar (1892 год), Polaris (1899 год), Edmund (1900 год), Adina (1901 год) и Aimar, строительство которого в 2010 году ознаменовало момент возрождения традиции кораблестроения в Кясму.

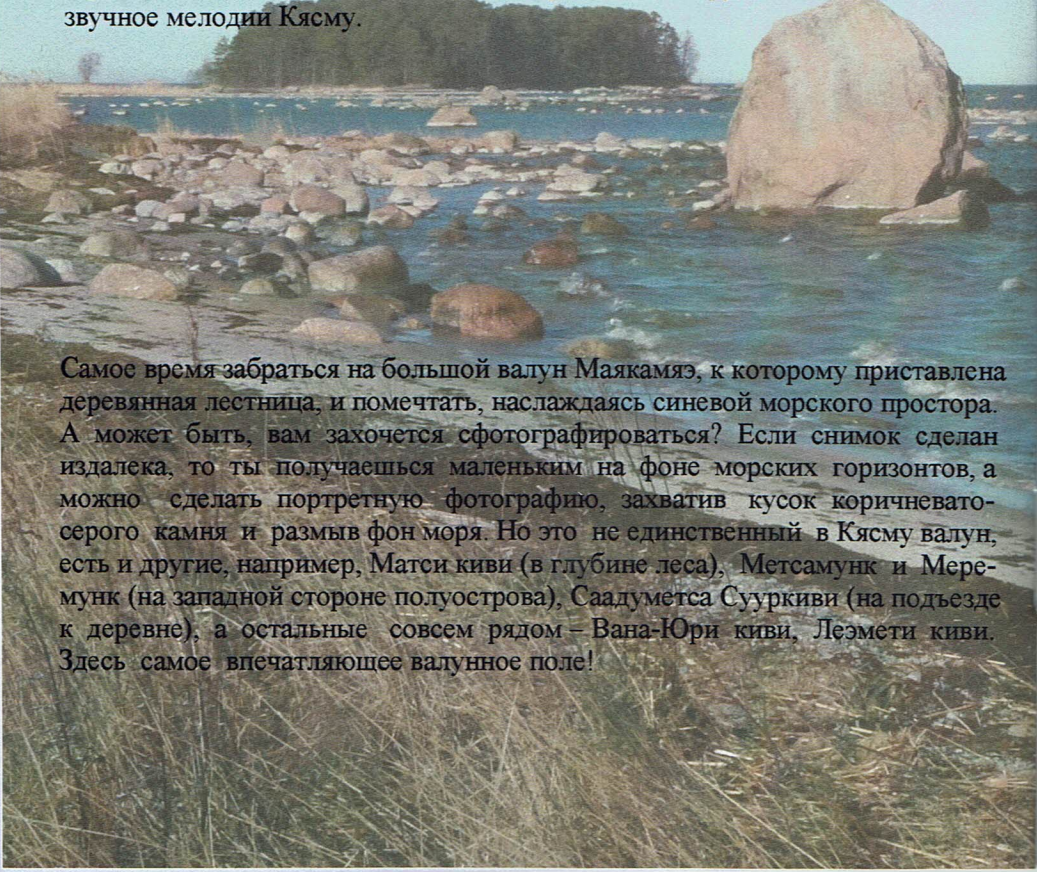

На каменной глыбе – силуэт оленихи. Благодаря мастерству скульптора мы видим движение: животное вытянулось, мышцы напряжены, взгляд устремлён в море. Нет чёткого ответа, как появилась здесь эта скульптура. Возможно, отголосок советской эпохи, когда подобные белые монументы устанавливались повсеместно. Но эта версия неинтересна, поэтому предположу, что олениха символизирует женщину, ожидающую возвращения своего отца, мужа, сына, брата...

Природные сюжеты

Отдельного повествования и воспевания заслуживает природа, сравнимая с чарующей мелодией, что слышишь, стоит оказаться чуть в стороне, ближе к морю, где господствуют птицы...

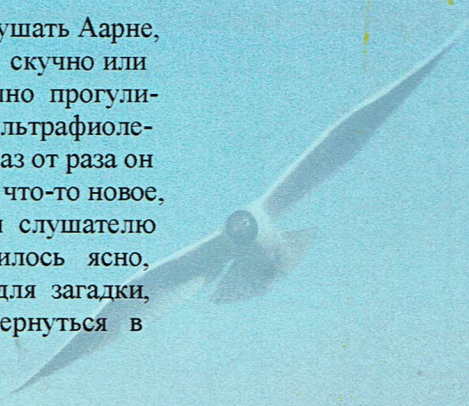
Сейчас, в конце мая – начале июня, погода благосклонна к нам, и мы в полной мере можем насладиться местными красотами. В природе преобладает сиреневый цвет – разных сортов и оттенков сирень обрамляет центральную улицу Неэме и придаёт очарование дворам, бросая ажурные тени на летние веранды и опьяняя нас благоуханием пышных гроздьев. Яблоньки скромничают, но пройдёт ещё неделя, и они наденут наряд невесты. Как же упоительно цветут в Кясму фруктовые деревья! Свет, исходящий от ухоженных и светлых по своему настроению домиков, приумножается обилием белых яблоневых лепестков, а с ветки тебе в глаза заглядывает взволнованная пичуга. Тугой аромат цветков перемешивается с морским воздухом. И останавливается время, и не можешь двинуться с места – стоишь и цветёшь вместе с природой. Ах, поскорей бы уединиться, затеряться среди рыбацких сараев и писать, писать, писать, пока стремится из груди вдохновение, созвучное мелодии Кясму.

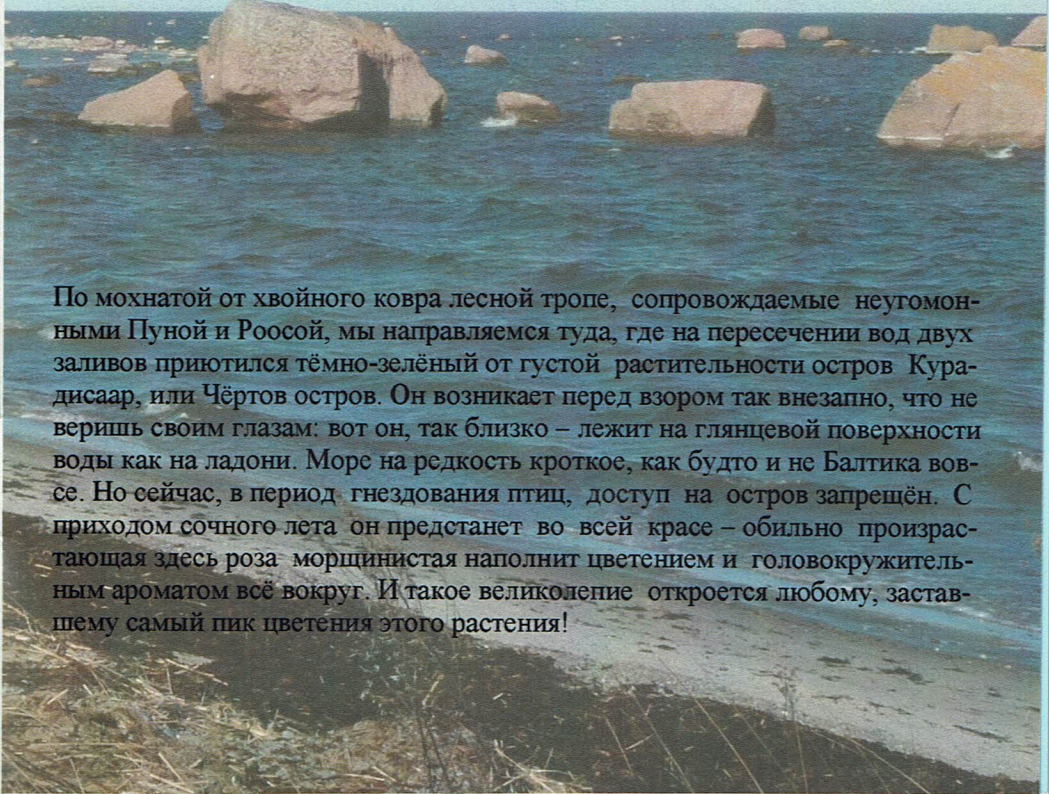
Самое время забраться на большой валун Маякмяэ, к которому приставлена деревянная лестница, и помечтать, наслаждаясь синевой морского простора. А может быть, вам захочется сфотографироваться? Если снимок сделан издалека, то ты получаешься маленьким на фоне морских горизонтов, а можно сделать портретную фотографию, захватив кусок коричневатосерого камня и размыв фон моря. Но это не единственный в Кясму валун, есть и другие, например, Матси киви (в глубине леса), Метсамунк и Меремунк (на западной стороне полуострова), Саадуметса Сууркиви (на подъезде к деревне), а остальные совсем рядом – Вана-Юри киви, Лезмети киви. Здесь самое впечатляющее валунное поле!

Прогулка

Но мне вновь хочется послушать Аарне, с ним никогда не бывает скучно или неинтересно, и мы неспешно прогуливаемся по пронизанной ультрафиолетовыми потоками округе. Раз от раза он привносит в свой рассказ что-то новое, как будто не хочет, чтобы слушателю моментально всё становилось ясно, должна же остаться пауза для загадки, побуждающей человека вернуться в Кясму снова.

*Твои рисунки, мои стихи –
отголоски кясмуского лета.
Птичьими призывами соединены,
россыпью валунов разбросаны.*

По мохнатой от хвойного ковра лесной тропе, сопровождаемые неутомными Пуной и Роосой, мы направляемся туда, где на пересечении вод двух заливов приютился тёмно-зелёный от густой растительности остров Курадисаар, или Чёртов остров. Он возникает перед взором так внезапно, что не веришь своим глазам: вот он, так близко – лежит на глянцевой поверхности воды как на ладони. Море на редкость кроткое, как будто и не Балтика вовсе. Но сейчас, в период гнездования птиц, доступ на остров запрещён. С приходом сочного лета он предстанет во всей красе – обильно произрастающая здесь роза морщинистая наполнит цветением и головокружительным ароматом всё вокруг. И такое великолепие откроется любому, заставшему самый пик цветения этого растения!

Теперь впору порассуждать и о мысе Саартнеэм («пеет» по-эстонски – «мыс»), или всё же об острове? Загадка не столь сложна. При отливе обнажается естественная природная тропа, связывающая островок с материком. В этом случае остров действительно можно считать его продолжением, т. е. конечной точкой, теряющейся в море, мысом. А в период приливов вода скрывает тропу, разделяя остров и сушу. В детской книге «Засыпайка в рыбацкой деревне» эстонской писательницы Дагмар Нормет приводится сказочная версия названия острова. Всё дело в лесной ведьме, которая «усаживалась на прибрежный камень, пела и заманивала проходящие корабли на рифы. В то время Чёртов остров был известен ещё как Розовый остров и носил это имя по праву. Там росло множество кустов шиповника, и летом островок выглядел как цветущий сад. Потом, когда корабли один за другим стали налетать на рифы, моряки решили, что здесь замешан сам старый чёрт. Они начали обходить Розовый остров и прозвали его Чёртовым».

В разговоре об острове мы не замечаем, как неожиданно, буквально на ровном месте, перед нами вырастает горка камней *Õnnekivihunnik*, история которой уводит нас в XVII век. Аарне говорит, что нужно бросить в эту гору «счастья» камешек и загадать самое заветное желание. Что ж, всё ещё впереди, а сейчас от морского воздуха и ощущения простора кружится голова. Приходит осознание счастья – моё сердце отныне завоёвано деревней капитанов!

Вот такие любопытные находки-открытия приводят к теме, которую ты волей-неволей берёшь на заметку, не отпускаешь, и всё твоё существо требует продолжения и новых впечатлений. Дверка в деревяню капитанов постепенно открывается, как несмело оживает, просыпается после холодов розовый куст. Но всему отведено своё время. Иногда требуется и подождать, и поработать, чтобы что-то очень важное проявилось, мгновенно и окончательно сбив с ног чудом воплотившейся мечты.

